

Дальнейшие дни потекли привычной чередой. Гу Чжи и Шэнь Чуншань по-прежнему ладили на славу. Из-за работы отца, которому после поездок за мальчиком часто приходилось развозить товары, возвращались они поздно. В жизни Шэнь Няня тоже ничего не изменилось — разве что он перестал ждать их к ужину да стал ещё более молчаливым.

Такой уклад мог бы сохраняться и дальше, но после первого в новом семестре родительского собрания тишина рухнула.

Шэнь Чуншань всегда души не чаял в Гу Чжи: потакал любому капризу и никогда ни в чём не перечил. Однако в школе ему доходчиво объяснили, чем оборачивается подобное попустительство. Выяснилось, что из-за постоянных вечерних и выходных поездок на грузовичке Гу Чжи почти перестал делать домашние задания. И хотя контрольные он всё ещё сдавал неплохо, оценки заметно поползли вниз.

Слова учительницы прозвучали для Шэнь Чуншаня как холодный душ. В тот же вечер они с Гу Чжи впервые за долгое время вернулись засветло. Шэнь Нянь никак не прокомментировал их раннее появление. Сделав уроки, он направился на кухню, чтобы приготовить ужин, но обнаружил, что отец уже почти всё сделал сам.

Заметив сына на пороге, Шэнь Чуншань мягко улыбнулся:

— Отзанимался? Обед почти готов, подожди пару минут.

Шэнь Няню было непривычно видеть отца за готовкой, но он ничего не сказал — лишь коротко кивнул и принялся расставлять приборы.

Закончив трапезу, Шэнь Нянь собрался прибрать со стола, но отец оставил его:

— Не нужно, я сам всё вымою. Сяо Чжи, ты тоже иди садись за уроки.

Шэнь Нянь настаивать не стал и молча ушёл к себе.

Он успел решить только половину тестового варианта, когда в дверь тихо постучали. На пороге стоял Шэнь Чуншань с тарелкой мытых фруктов.

— Устал, наверное? — спросил отец. — Поешь фруктов.

Шэнь Нянь мгновенно понял: отцу что-то от него нужно. Причём из категории тех вещей, о которых нелегко заговорить прямо. Иначе он бы не стал проявлять подобную заботу, совершенно ему не свойственную.

По правде говоря, Шэнь Нянь предпочёл бы услышать всё без экивоков. Такая внезапная

теплота вызывала лишь глухое отторжение. Ему, конечно, хотелось родительского внимания, но осознание того, что за ним кроется банальный расчёт, отравляло всякую радость.

И всё же Шэнь Нянь отступил в сторону, пропуская его:

— Входите.

Шэнь Чуншань смутился, словно его раскусили, но то ли от неловкости, то ли от облегчения неловко усмехнулся, прошёл в комнату и поставил тарелку на письменный стол.

Шэнь Нянь отложил ручку и аккуратно закрыл тетрадь.

— Я помешал? — спросил отец, следя за его движениями.

— Нет, — ответил Шэнь Нянь, приводя в порядок стол. — Я уже всё сделал. Просто решал варианты от нечего делать. Что-то случилось?

— Да есть кое-что... — Шэнь Чуншань присел на край кровати и посмотрел на сына. — Я сегодня был на собрании у Сяо Чжи. Классный руководитель сильно меня ругала: у него падает успеваемость, домашку вообще перестали видеть. Я подумал, что это всё из-за моих рейсов. Возвращаемся поздно, вставать рано... В общем, больше я не буду брать его с собой на доставку.

Шэнь Нянь отнёсся к этому спокойно. Хотя ему и не хотелось лишний раз пересекаться с Гу Чжи, решение принимал не он. Единственное, чего он не мог понять, — к чему ведёт этот разговор.

— А от меня что требуется? — спросил Шэнь Нянь.

Шэнь Чуншань натянуто улыбнулся:

— Да ничего особенного. Просто подтяни его по предметам после того, как сделаешь свои уроки. Надо помочь ему поднять оценки.

— Если он сам не против, я сделаю.

Шэнь Чуншань долго всматривался в лицо сына, не произнося ни слова. Шэнь Няню стало не по себе под этим тяжелым взглядом, но едва он собрался отвести глаза, отец тихо спросил:

— Сяо Нянь... тебе ведь не нравится Гу Чжи, да?

Шэнь Нянь замер на несколько секунд, после чего ровно ответил:

— Вовсе нет.

Отец порывался добавить что-то ещё, но Шэнь Нянь уже отвернулся, взял из вазы мандарин и принялся неспешно очищать кожуру, всем видом показывая, что тема закрыта. Шэнь Чуншань помялся немного, вздохнул и молча вышел.

На следующий день отец привёз Гу Чжи домой пораньше — они с Шэнь Нянем пересеклись прямо у дверей. Мальчишка выглядел мрачнее тучи. Встретившись взглядом с Шэнь Нянем, он одарил его откровенно враждебным, полным злобы прищуром. Шэнь Нянь смерил его равнодушным взглядом и сразу прошёл к себе.

Пока он занимался уроками в своей комнате, Шэнь Чуншань пытался успокоить надувшегося Гу Чжи. Позже отец подошёл к двери Шэнь Няня:

— Сяо Нянь, мне пора на выезд. Заканчивай со своими делами и помоги брату.

— Счастливого пути, — отозвался Шэнь Нянь.

После ухода отца он не стал навязываться Гу Чжи, продолжив заниматься своими делами. Шэнь Нянь прекрасно понимал: парнишке нафиг не сдалась его помощь, так зачем попусту тратить слова? Вся его доброжелательность и желание наладить контакт давно стorerели после первых же выходов Гу Чжи.

Закончив с занятиями, Шэнь Нянь собрался на улицу. Проходя мимо комнаты Гу Чжи, он заметил, что тот сидит за столом, подперев голову руками, и тоскливо смотрит в окно. На появление Шэнь Няня он даже не обернулся. Но стоит тому сделать шаг к выходу, как из комнаты донеслось:

— Тебе ведь тоже тошно, да? Если я не езжу с дядей Шэнем, приходится торчать тут и мозолить тебе глаза.

Шэнь Нянь обернулся. Гу Чжи всё так же неподвижно смотрел в окно, будто брошенная фраза ему просто слышалась.

Зайдя в местную лавку, Шэнь Нянь увидел, что туда завезли тушёную рыбу в глиняных горшочках. Купив пару порций, он первым делом заглянул в переулок и занёс одну бабушке Цинь, и только потом вернулся домой. Гу Чжи сидел на каменных ступенях северной пристройки. Услышав шаги, он вскинул глаза, но тут же отвернулся.

Шэнь Нянь проигнорировал его и прошёл на кухню.

Похоже, без «пассажира» Шэнь Чуншань действительно развозил грузы быстрее. Он вернулся домой вскоре после того, как Шэнь Нянь закончил готовить. Гу Чжи тут же бросился качать ему воду из колонки во дворе. Пока отец мыл руки, между ними завязался оживлённый разговор:

— Уроки сделал?

— Ага, — Гу Чжи энергично кивнул. — Все до единого!

— Брат Сяо Нянь помог?

Гу Чжи на секунду запнулся, бросил короткий взгляд в сторону кухни, где Шэнь Нянь раскладывал рис, а затем с самой светлой улыбкой повернулся к Шэнь Чуншаню:

— Ну конечно!

Шэнь Чуншань просиял и за ужином с удовольствием съел лишнюю пиалу риса.

Шли дни. Для Шэнь Няня раннее возвращение Гу Чжи ничего не изменило: они практически не разговаривали, а о репетиторстве, о котором грезил отец, не было и речи. Шэнь Нянь не проявлял инициативы, а Гу Чжи тем более.

Впрочем, и эта относительная стабильность продлилась недолго. После октябрьских праздников на фабрике, где работал Шэнь Чуншань, начался аврал. Он больше не мог забирать Гу Чжи из школы, да и вечерами часто задерживался. Чтобы мальчик не болтался без дела, отец записал его на дополнительные занятия в репетиторский центр неподалёку от школы, а обязанность забирать его оттуда повесил на Шэнь Няня.

— От твоей школы до его не так уж далеко, — урезонивал его Шэнь Чуншань. — Оставлять Сяо Чжи одного на улице я опасаюсь. Занятия идут час. Поедешь после своих уроков, как раз успеешь к концу, а потом вместе вернётесь.

Выслушав отца, Шэнь Нянь даже не изменился в лице. Он не стал спрашивать: «А когда мне делать уроки? Кто будет готовить ужин?» По растерянному и виноватому лицу отца было ясно — ответа на эти вопросы у того нет. Если бы Шэнь Чуншань задумывался о таких вещах, он бы просто не стал просить.

К тому же раньше, когда отец уезжал в дальние рейсы, эта обязанность всё равно лежала бы на Шэнь Няне. То, что его избавили от неё на какое-то время, уже можно было считать везением.

С такими мыслями смириться с неизбежным оказалось куда проще.

В последнее время Лян Цю бредил баскетболом. Вчера он полчаса уламывал Шэнь Няня сыграть с ним после уроков. Шэнь Нянь не питал особой страсти к спорту, но поддался на уговоры друга. Вот только он никак не ожидал, что сегодня ему придётся тащиться за Гу Чжи. После звонка пришлось давать отбой:

— Прости, сегодня не получится. Появились дела.

— Какое ещё дело? — Лян Цю знал: если Шэнь Нянь что-то пообещал, то из кожи вон вылезет, но сделает. Раз отказывается — значит, произошло что-то из ряда вон. — Помощь нужна?

— Нет, играй сам. Я пошёл.

Шэнь Нянь повернулся и направился к выходу. Лян Цю несколько секунд смотрел ему вслед, а потом, чувствуя неладное, с досадой бросил мяч ждавшим его парням:

— Играйте без меня, пацаны! Срочные дела появились, я офф.

У крытой велопарковки Шэнь Нянь только успел выкатить свой велосипед, как рядом материализовался Лян Цю. Шэнь Нянь замер от неожиданности:

— Ты же собирался на площадку?

— Передумал, — отрезал Лян Цю. — За тебя душа не на месте.

Шэнь Нянь молча уставился на него. Лян Цю выкатил свой байк и, видя, что тот не трогается с места, цыкнул:

— Ну чего замер? По глазам вижу — угадал.

На самом деле Шэнь Нянь меньше всего хотел, чтобы Лян Цю ехал с ним. К Гу Чжи он испытывал не просто антипатию, а самую настоящую глухую ненависть. Хотя мелкого в дом привёл отец, Лян Цю, видя, сколько несправедливости приходится терпеть Шэнь Няню из-за этого подкидыша, еще пытался сохранять внешнее приличие перед Шэнь Чуншанем, но в отношении Гу Чжи даже не пытался скрывать своего презрения.

Шэнь Нянь понимал: если Лян Цю узнает, что его теперь заставляют работать нянькой, добром это не кончится.

Видя его молчание, Лян Цю окончательно убедился в своих догадках:

— Только не говори мне, что ты едешь за этим прихлебателем?

Шэнь Нянь тяжело и беспомощно вздохнул:

— Мне нужно забрать его после уроков.

— Да у него харя не треснет?! — Лян Цю от возмущения аж перекошило. — Этот мелкий спиногрыз тебе кто, сын родной, чтобы ты перед ним на задних лапках плясал?! У тебя хоть капля гордости есть?! Пошли ты их к чёрту! Сбеги из дома, в конце концов! Тебе есть где жить — мой дом всегда открыт!

Шэнь Нянь смотрел на него безмолвно, прямо и спокойно. В его глазах было что-то такое, от чего пыл Лян Цю постепенно угас, а дыхание выровнялось.

— Я еду с тобой, — уже спокойнее, но твёрдо сказал Лян Цю. И, опережая возражения, добавил: — Не сожру я твоего мелкого, не сцы.

Поняв, что спорить бесполезно, Шэнь Нянь не стал тратить силы, и они вместе покатили к школе Гу Чжи.

До конца занятий оставалось ещё полчаса. Парни зашли в небольшое кафе через дорогу. Лян Цю сходил к стойке и принёс два прохладительных напитка. Вернувшись за столик, он обнаружил, что Шэнь Нянь уже разложил тетради и всюду решает задания. Лян Цю знал, что дома ему спокойно позаниматься не дадут, поэтому мешать не стал — просто сел напротив и стал наблюдать.

Он искренне не понимал Шэнь Няня. Не понимал уже много лет.

В самом начале они вовсе не дружили. Шэнь Нянь с самого детства рос замкнутым, молчаливым, почти ни с кем не общался и заговаривал только тогда, когда обращались непосредственно к нему. Друзей в школе у него, естественно, не было.

А одиноких детей всегда обижают. Шэнь Нянь тоже не избежал этой участи. Детская жестокость бывала дотошной и тупой: спрятать тетрадь, изорвать учебник, обзывать всей ватагой... Но Шэнь Нянь с самого начала будто смирился. Когда его допекали совсем уж сильно, он лишь молча смотрел на обидчиков покрасневшими глазами.

А со временем перестал даже краснеть.

Словно привык.

Когда-то Лян Цю и сам дразнил его — не из злобы, а просто от скуки. А Шэнь Нянь, будучи изгоем, казался самой лёгкой мишенью.

Когда же всё изменилось? Кажется, в то лето, когда Лян Цю тайком убежал купаться на речку и едва не утонул. Шэнь Нянь, проходивший мимо, не раздумывая бросился в воду. Он вытащил его на берег, сам наглотавшись воды и глубоко разодрав ногу об острую корягу.

Тогда они были совсем малышами, но Лян Цю до сих пор помнил то жгучее чувство стыда. Каким же убудком он себе казался...

С того самого дня Лян Цю взял Шэнь Няня под свою защиту. В школе больше ни одна падла не смела его пальцем тронуть. Тогда Лян Цю казался себе настоящим героем — еще бы, он не просто защищал друга, но и заставлял его вечно тусклое, бесстрастное лицо озаряться редкой улыбкой. Он невероятно гордился собой.

Вот только он не задумывался, почему Шэнь Нянь стал таким.

Понимание пришло позже. Лян Цю осознал, что сколько бы он ни оберегал друга в школе, дома тот всё равно подвергался травле. Но домашняя травля разительно отличалась от школьной: там не было ни криков, ни распускания рук. Лишь ледяное молчание, отсутствующий взгляд — но этот бескровный яд отравлял сильнее любых побоев.

Лян Цю до сих пор отчетливо помнил Ю Сяюэ, мать Шэнь Няня. Сын унаследовал её черты — она была настолько красива, что отвести взгляд казалось невозможным. Внешностью Шэнь Няня восхищались с самых малых лет; даже мать Лян Цю, глядя на него, не раз вздыхала: «Эх, как у Сяо Няня, тебе б невесту искать не пришлось».

И вот этого невероятного, славного ребёнка родная мать искренне ненавидела. Её раздражало, когда он вслух читал книги; бесило, когда он болел; даже простое его присутствие в комнате вызывало у неё отвращение.

Именно Ю Сяюэ искалечила характер сына.

То, что Шэнь Нянь никогда не огрызнулся в ответ на издевательства, было не проявлением доброты. В этой обстановке он просто научился жить не отвечая, ни на что не претендуя и принимая любые удары. Если даже самый близкий человек отказывает тебе в элементарном тепле, откуда взяться дерзости требовать чего-то от мира?

Лян Цю искренне радовался, когда Ю Сяюэ бросила семью и ушла. Ему казалось, что теперь Шэнь Нянь постепенно оттаёт и всё наладится. Но Шэнь Чуншань после её ухода не бросил свои бесконечные поездки. Шэнь Нянь, может, и хотел бы измениться, да открыться было

некому — пришлось затолкнуть всё обратно и жить как раньше.

И вот Шэнь Чуншань вернулся. Бросил дальнобой, вернулся к очагу... и притащил с собой Гу Чжи.

Как появление этого мальчишки сказалось на Шэнь Няне? Лян Цю видел уступку с комнатой, видел сданный без боя кондиционер... Но сколько всего осталось за кадром? Шэнь Нянь никогда не стал бы жаловаться, но это не значило, что ему не больно.

Лян Цю даже боялся представить, сколько обид и несправедливости пришлось проглотить его другу за то время, пока никто не видел.

«Эх, был бы Шэнь Нянь моим родным братом... — тоскливо подумал Лян Цю. — Я бы смог защитить его по-настоящему. Куда лучше, чем сейчас».

<http://bllate.org/book/20601/2115743>